

Альбо Таслих Мохаммед Имад Кадим

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID ID: —

E-mail: Mhmdmad107@gmail.com.

Медиатерроризм как крайняя форма политического экстремизма

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются проблемы, связанные с развитием новой формы терроризма — медиатерроризма, являющегося крайней формой экстремизма и использующего возможности коммуникации с широким кругом лиц, участвующих в деятельности новых массмедиа. На основе анализа научной литературы автором дано определение данной формы терроризма и выделены его характерные черты. В частности, отмечается, что возникновению данной формы террористической угрозы способствовала возможность бесконтрольного распространения информации в Интернете; повышенная активность широких слоев населения в информационном обмене, наличие высококлассных специалистов, способных создавать качественный и конкурентоспособный информационный контент. Автором обосновано, что в настоящее время террористические акты становятся лишь сопутствующим методом политической борьбы, на первый же план выступает информационная составляющая экстремистской и террористической деятельности. У истоков данной формы терроризма стоят широкообразованные и высокопрофессиональные специалисты, способные оказывать активное информационное воздействие на контактную аудиторию, решать технические вопросы, связанные с созданием и трансляцией информации. При этом данная форма терроризма направлена на изменение общественного сознания, на формирование в обществе атмосферы неуверенности, повышенной тревожности, недоверия к действующей власти. Также в статье указано, что данная форма информационной экспансии является инструментом современных «гибридных войн», в связи с чем методику экстремистских и террористических организаций активно взяли на вооружение структуры, которые, на первый взгляд, далеки от террористической деятельности: силовые ведомства, специальные службы, общественные и политические организации, различные фонды и религиозные организации. В этой связи в статье обоснованы направления, которые должны стать основой противодействия медиатерроризму на уровне государственной информационной политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ; медиатерроризм; формы терроризма; террористическая деятельность; террористические организации; террористические акты; экстремизм; политический дискурс; противодействие терроризму; коммуникативное воздействие; манипуляция сознанием; манипулятивное воздействие; Интернет; интернет-дискурс; интернет-тексты; интернет-коммуникация; социальные сети; интернет-технологии.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Альбо Таслих Мохаммед Имад Кадим, аспирант кафедры новых медиа и теории коммуникации факультета журналистики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 9, стр. 1; e-mail: Mhmdmad107@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Альбо Таслих Мохаммед Имад Кадим. Медиатерроризм как крайняя форма политического экстремизма / Альбо Таслих Мохаммед Имад Кадим // Политическая лингвистика. — 2021. — № 4 (88). — С. 100-107. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_04_11.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Период конца XX — начала XXI в. ознаменован значительным расширением коммуникативного пространства, когда межличностная коммуникация, происходя в режиме реального времени, позволяет участникам коммуникативного процесса высказывать свои политические позиции и предпочтения, не раскрывая себя, однако при этом охватывая своим коммуникативным воздействием значительное количество людей и социальных групп. Данная возможность «собственно-го обезличивания» в значительной степени снижает ответственность лица за последствия распространения информации и способствует появлению в Сети ресурсов и интернет-сообществ явно деструктивного характера.

Активное использование указанных технологий, относительная простота приобще-

ния к различным формам информационного обмена дает возможность формировать медиареальность, которая, влияя на все сферы общественной жизни (экономическую, культурную, социальную), действует и на политическое сознание индивидуумов, формируя общественный интерес к вопросам политики и соответствующее общественное мнение по поводу актуальных социально-политических проблем.

В этой связи интернет-технологии становятся неотъемлемой частью политики, а быстрый их рост способствует развитию новых медиа (интернет-СМИ; интернет-ТВ; интернет-радио; блогосфера; социальные сети, виртуальные сообщества) [Карякина 2010], расширяющих пределы политической коммуникации до ранее невиданных глобальных размеров.

В то же время следует признать, что активность новых медиа и субъектов, которые коммуницируют с их помощью, далеко не всегда носит социально ответственный характер, о чём речь шла выше. В отдельных случаях участие коммуникантов в деятельности новых медиа имеет явно выраженный экстремистский характер, крайним проявлением которого является «медиатерроризм».

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Распространение террористической угрозы и динамика мирового террористического движения отражает внутреннюю, скрытую сущность современной «большой» политики ведущих мировых игроков, в которой терроризм используется как эффективный инструмент ослабления конкурентов, дестабилизации стран и целых регионов, как повод для вмешательства во внутренние дела целого ряда государств.

Об этом свидетельствует латентное присутствие террористического фактора в современных региональных конфликтах, в частности мы были свидетелями использования террористических группировок и целых армейских террористических формирований для дестабилизации политической обстановки в Ираке, Сирии, Афганистане, в России на территории Чечни. Однако в настоящее время терроризм как явление, в основе которого лежит стремление создать атмосферу страха, неуверенности, недовольства действиями властей, обретает новую форму. Сегодня традиционная террористическая вооруженная борьба уходит на второй план, сопровождается информационными атаками, и, таким образом, современный терроризм обретает «гибридную форму», что остро сегодня ощущает Россия.

В этой связи, в условиях распространения интернет-технологий и связанных с ними «новых» медиа, слоган 60—70-х гг. XX в. «медиа и терроризм» в 90-х гг. прошлого века начал приобретать новый смысл, а сам терроризм воплотился в новую форму — «медиатерроризм». В плане взаимодействия медиа и террористов это означало переформатирование функций главных субъектов: формат отношений «терроризм для СМИ» (характерный для эпохи «традиционных» медиа, где преступления играли роль информационного повода) трансформировался в формат «СМИ как инструмент медиатерроризма». Этот формат возник благодаря вовлечению в террористическую деятельность молодых, амбициозных и образованных людей, которые благодаря своим высоким интеллектуальным и творческим способностям создали качественный кон-

тент, воздействующий на политическое сознание аудитории, формируя у адресата установку на деструктивное политическое поведение. Благодаря деятельности групп интеллектуалов и «технарей» экстремистской направленности террористические структуры начали самостоятельно определять содержание посланий для аудитории, мониторить общественную реакцию на информационные сообщения, работать с большими социальными группами и определять стратегические цели и характер информационных посланий [Schuurman 2016].

Такой тип терроризма стал в равной степени опасным как для стран — лидеров технологического прогресса и формирования информационного общества, так и для развивающихся стран и регионов. В частности, политический квазипроект ИГИЛ (организации, запрещенной в России) является ярким примером того, как коммуникативные технологии в руках террористов превратились в оружие нового типа, одинаково опасное для всего мирового сообщества. При этом лидеры террористических организаций пришли к совершенно логическому выводу, что эффективность информационного террора значительно возрастает в развитых в технологическом отношении обществах, в которых значительное влияние на коллективное общественное сознание имеет мнение, высказанное в СМИ (в том числе и в электронных СМИ) [Conway 2007].

Так информационный терроризм стал эффективным оружием дестабилизации политической обстановки, благодаря тому, что появилась возможность оперативно влиять на формирование сознания определенных социальных групп на основе простых и четко сформированных медиапосланий [Md Sazzad Hossain 2018].

Понимание эффективности информационного терроризма как средства политической борьбы привело к изменению и субъективного состава террористической деятельности информационного типа. Наряду с организациями, которые официально признаны террористическими, субъектами новой формы терроризма стали государства и соответствующие государственные силовые институты, а также различные фонды, организации и отдельные граждане, которые стремятся навязать свою политическую повестку иным странам и социальным группам, заявить о себе, не обращая внимания на разрушительные последствия своей деятельности для мировой и национальной политической стабильности.

При этом использование террористами «новых» медиа изменило и формат отноше-

ний с официальной прессой. Сегодня материалы, которые террористы размещают на подконтрольных им многочисленных web-сайтах, цитируют ведущие мировые СМИ, а сами сайты рассматриваются как первоисточник информации (например, сайт «Кавказ — центр»). Такой формат информирования широкой аудитории может быть прямо противоположным официальной позиции властей, при этом потребители данной информации превращаются в объект пропаганды и манипуляции.

В настоящее время в Сети начали появляться информационные проекты, лояльные к идеи предоставления информационного пространства для пропаганды идей, носящих деструктивный характер (например, радио «Эхо Москвы»). Информация, размещаемая в данных изданиях и информационных ресурсах, имеет различное содержание и различную направленность (начиная от анти-вакцинационной пропаганды и заканчивая призывами к акциям прямого гражданского неповиновения) и, в любом случае, формирует протестные настроения в обществе.

Также в современном информационном политическом поле существенную часть занимает освещение позиций лиц, находящихся в оппозиции к правящему режиму (например, интернет-шоу на YouTube-канале «Вдудь»), а также разного рода экстремистов и лидеров экстремистских групп (например, А. Навального), в том числе находящихся вне территории России, но имеющих возможность озвучивать свою программу, рекрутировать сторонников, организовывать разного рода общественно-политические акции, результатом чего становится дестабилизация общественно-политической обстановки. При этом такие проекты, как правило, финансируются через вполне респектабельные финансовые институты и позиционируются как борьба за демократию, свободу, равенство, за отстаивание своей религиозной идентичности и т. д.

Примером такого проекта является телеканал «Аль-Джазира», который появился в 90-х гг. прошлого столетия и активно распространяет идеи экстремистского толка. В России таким проектом стал «Фонд борьбы с коррупцией», который распространял фейковые материалы экстремистского характера через собственные информационные ресурсы, в связи с чем в 2021 г. данный фонд признан российским судом экстремистской организацией.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что в конце XX — начале XXI в. информационный фактор развития новых медиа стал поводом для перехода терро-

ризма в массмедийное пространство, для избрания новой тактики политической борьбы. Учитывая современный характер террористической угрозы, связанной с радикальными организациями и их деятельностью на интернет-площадках, сегодня данная проблема является актуальной с точки зрения обеспечения национальной безопасности России, а также иных стран, находящихся в центре политического противостояния, в котором информационный «террористический контент» становится важнейшим элементом «гибридной войны».

Таким образом, целью данной статьи является определение содержания и особенностей проявления медиатерроризма как крайней формы политического экстремизма, ориентированного на использование коммуникативных возможностей новых массмедиа.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА

Данная статья относится к научной области политологических исследований, в центре которых находится проблематика информационной безопасности государства и личности в условиях трансформации террористической деятельности и развития информационного общества. Соответственно тема исследования определила содержание методического инструментария, потребовала комплексного междисциплинарного подхода к анализу заявленной проблемы.

В этой связи в данной статье на начальном этапе исследования автором использовался метод анализа содержания научных работ с целью выявления сущности новой формы террористической деятельности; на этапе изучения материалов и обсуждения полученных результатов использовались методы классификации и обобщения, позволившие рассмотреть медиатерроризм в контексте социологического, культурологического и исторического подходов.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Острый научный интерес к взаимоотношениям СМИ и террористических организаций возник в начале XXI в., после того как 11 сентября 2001 г. США подверглись беспрецедентной террористической атаке. С этого момента исследователи обратили внимание на то, что террористические организации начали осваивать интернет-технологии и возможности сетевой коммуникации, и главное — готовить и распространять качественные информационные сообщения, ориентированные на широкую аудиторию. Формирование такого способа коммуникации террористических организаций с массовой аудиторией имело целью осуще-

ствление морально-психологического воздействия и означало переход терроризма к новым формам политической борьбы, к изменению не только методики, но и методологии террористической деятельности.

Как указывали исследователи Philip Seib и Dana M. Janbek в монографии «Global Terrorism and New Media. The post-Al-Qaeda generation» [Seib, Janbek 2010], в методологическом плане объектом террористической деятельности стало медиапространство, а акты терроризма сделались лишь вспомогательной формой террора. После событий 11 сентября 2001 г. террористы начали активно использовать возможности Сети, размещать материалы в «YouTube» и на иных веб-площадках для продвижения своих идей, фактически не встречая никакого противодействия, охватывая своими информационными сообщениями большую аудиторию. Благодаря новому направлению террористической деятельности, в Сети начали формироваться «интерактивные группы» сторонников террористических и экстремистских идей (например, такое взаимодействие характерно для исламистских экстремистских форумов в Интернете) [Seib, Janbek 2010: 20].

Также исследователи, в частности George Michael в работе «The New Media and the Rise of Exhortatory Terrorism», указывают на то, что возможности «новых» медиа, включая «YouTube», «MySpace» и «Facebook», активно используют не только радикальные исламисты, но и право- и леворадикалы Европы, США и других стран. Также тактику медиатерроризма активно осваивают силовые ведомства и спецслужбы, участвующие в гибридном военно-политическом противостоянии [Jerrold 2000].

В свою очередь T. Soriano раскрыл технологический аспект информационной деятельности террористской направленности, описав основные элементы стратегии «косвенного воздействия», которая предусматривала контроль блоков новостей со стороны официальных лиц, находящихся в прямом контакте с экстремистскими организациями, террористическими группами и спецслужбами западных стран. Данные лица формировали информационный контент, определяли способ подачи информации, условия ее размещения в Интернете, определяли рекламную стратегию медиа с целью привлечения внимания иных СМИ к публикуемым материалам [Soriano 2008: 4—6].

Также в работах ученых исследуются проблемы этики журналистов и использования технологии «обрамления» новостного блока при подаче информации, раскрываю-

щей содержание детальности разного рода экстремистских организаций и организаций террористической направленности [Mahmood 2018]; совершенствования приемов медиатак террористов на различных интернет-площадках [Weimann 2014]; особенностей террористической активности в сетевой структуре Интернета [Conway 2007]. Ученые рассматривают риски, встающие перед обществом в связи с деятельностью террористов в социальных сетях [Bertram 2016]; практику использования террористическими организациями социальных медиа, таких как «Twitter», «Facebook» и «YouTube» [Idahos 2017]; условия противодействия медиатерроризму [Jacobson 2009]; восприятие Интернета как инструмента радикализации молодежи [Behr, Reding, Edwards, Gribbon 2013].

Как видим, контекст проблем, которые поднимают данные авторы, дает основания утверждать, что в новейшем политологическом дискурсе терроризм исследуется в плоскости взаимодействия с новыми массмедиа (mass-media terrorism), а целью данных исследований является изучение рисков и угроз новой формы терроризма [Seib, Janbek 2010: 10].

При этом сам медиатерроризм рассматривается как «слияние физического насилия с преступным использованием информационных систем, а также как использование цифровых информационных систем, социальных сетей или их компонентов в целях содействия осуществлению операций, которые по определению можно считать террористическими, такими, которые посягают на общественный порядок, стабильность политической системы и на безопасность личности» [Jerrold 2000]. В данной деятельности разного рода экстремисты и террористы используют стратегию «мягкой силы», основу которой составляет создание ярких информационных сообщений, ненавязчиво, но постоянно и систематически транслируемых в массовое сознание.

В целом можно сказать, что научный формат освещения медиатерроризма и мер по противодействию данному явлению сегодня широко представлен в различных научных работах, что позволяет составить общее представление о данной форме деструктивной политической деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ приведенных выше работ дает нам основание высказать некоторые замечания и сформулировать авторский вариант определения медиатерроризма как ключевого понятия в заявленной теме исследования.

Под медиаинформационным терроризмом мы будем понимать политически мотивированную деятельность групп, а также различных структур террористической и экстремистской направленности, которая нацелена на разрушение позитивного и адекватного политического сознания личности и общества с целью деструкции социальных систем и политических режимов. При таком подходе медиатерроризм рассматривается как инструмент, а информация — как средство переформатирования политического сознания широких социальных слоев населения с целью дестабилизации политической обстановки, смены правящего режима, изменения политической повестки и т. д.

Также анализ вышеуказанных работ дает возможность определить ряд особенностей медиатерроризма, каковыми являются агрессивное и манипулятивное информационное вмешательство в личное жизненное пространство человека, что несет в себе опосредованное психологическое насилие над личностью; колебания диапазона медиатерроризма от пропаганды (например, подача альтернативного взгляда на события) до агитации (например, призывы к поддержке идей и целей различных движений) и уже далее к призывам принять участие в акциях прямого неповиновения, которые координируются и освещаются новыми массмедиа.

Также среди инструментов медиатерроризма следует выделить фейковые материалы, транслируемые с целью запугивания населения и властных структур путем демонстрации террористических актов на ресурсах мировых цифровых платформ; исаженную подачу информации и манипулирование сознанием человека с целью потери им глубинных смыслов национально-культурного бытия и своей национальной и социальной идентичности. При этом еще раз обратим внимание на то, что субъектами данной, безусловно, инновационной формы терроризма выступают спецслужбы, различные фонды и общественные организации; религиозные течения сектантской и экстремистской направленности; гуманитарные и миссионерские организации; а также непосредственно экстремистские и террористические преступные группы.

Также исследователи подчеркивают, что с начала XXI в. произошло изменение характера терроризма, в первую очередь на уровне лиц, осуществляющих террористическую деятельность. Ими стали в первую очередь образованные, идеологически ангажированные молодые люди — распространители экстремистских идей, имеющих разрушительную социально-политическую направ-

ленность. При этом картинки террористических актов уступили место слову как способу «мягкой силы» для решения задач террористической и экстремистской деятельности. В такой деятельности речь идет не только о запугивании на уровне психологических реакций отдельных людей или социальных групп (хотя и эта цель, безусловно, присутствует), сколько о пропаганде, агитации и рекламе идей более «справедливого», «более свободного», «более демократического» общества.

При этом анализ представленных выше исследований позволяет автору утверждать, что в противостоянии информационной агрессии и медиатерроризму главными задачами государственной политики в информационной сфере должны стать поддержка национальной культуры и сохранение национальной исторической памяти, гармонизация религиозно-конфессиональных отношений, предотвращение распространения информации террористической и экстремистской направленности, в частности информации, связанной с пропагандой экстремизма, сепаратизма, насилия, ксенофобии, религиозной нетерпимости, моральной распущенности и т. п.

Следует обратить внимание на роль образовательного фактора в информационной составляющей системы безопасности государства, имея в виду тот факт, что в условиях активного развития новых медиа значительно растут риски информационного давления на несформированную психику молодого человека. Данные риски существенно возрастают в условиях низкого уровня развития информационной культуры и использования молодежью сетевого пространства исключительно с «развлекательной» целью, а не для саморазвития и образования. В результате такие составляющие коммуникативного взаимодействия, как «социальная ответственность за подачу и трансляцию информации», «честный и открытый диалог», «собственная позиция», «уважение к оппоненту», теряют аутентичность смыслов. Последствиями такой искаженной коммуникации становится потеря фундаментальных смыслов таких понятий, как «Родина», «свобода», «демократия», «народ», а субъекты диалога часто вообще не понимают истинный смысл сообщений, которые транслируются через новые медиа.

Таким образом, личность оказывается в среде «информационных иллюзий», создаваемых высококлассными специалистами информационной войны, в результате чего происходит разложение национального сознания, исчезновение социальной ответст-

венности, а политическая активность населения переходит в деструктивное русло.

В этой связи эффективными способами противодействия медиатерроризму может быть активное участие государственных и патриотических медиа в сетевой коммуникации, совершенствование существующих политico-правовых механизмов использования информационных технологий и т. д.

Также следует обратить внимание и на такие способы противодействия медиатерроризму, как повышение медиаграмотности населения; улучшение сотрудничества силовых ведомств со структурами гражданского общества и совершенствование нормативно-правовой базы в части деятельности новых СМИ; постоянный анализ внутренних и внешних факторов террористической активности; повышение общего уровня «общественной стойкости к информационным воздействиям», которая понимается как синтез патриотического сознания, общего уровня политической грамотности и уровня самоорганизации и медиаграмотности общества в целом.

Таким образом, в настоящее время речь идет о разработке на государственном уровне политики противодействия информационной террористической угрозе. Существенно значение данной политики возрастает в периоды острого противодействия в сфере межгосударственных отношений. Именно такую ситуацию мы наблюдаем на современном этапе развития России, которая стала объектом информационных атак, что требует активного вмешательства государства в деятельность новых медиа, распространяющих экстремистский контент и сотрудничающих с представителями различных террористических групп.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги разговора о медиатерроризме как крайней форме политического экстремизма, отметим, что,

— во-первых, особенностью современного научного дискурса, освещающего проблемы медиатерроризма, является отражение изменений во взаимоотношениях между медиа и террористами. Сегодня деструктивные политические силы во многом формируют информационную повестку, и за относительно короткое время экстремистские и террористические группы создали собственную разветвленную сеть новых медиа, которые по качеству подачи материала могут конкурировать с иными СМИ, нередко превосходя их оперативностью, остротой подачи информации, качеством политических комментариев и способностью к взаимодействию с самыми

широкими слоями населения и социальными группами;

— во-вторых, медиатерроризм является угрозой личностного характера, искаjая сознание и психику индивида. При этом доминантным признаком медиатерроризма выступает активное использование различных информационных ресурсов, социальных сетей и новейших информационных технологий с целью изменения когнитивно-поведенческой структуры личности в нужном для террористов направлении;

— в-третьих, медиатерроризм рассматривается как следствие материализации ряда факторов, таких как участие широких групп населения в деятельности новых медиа, снижение социальной ответственности лиц, транслирующих информацию, а также фактора повышения космополитизма населения как следствия глобализации. Соответственно, политика противодействия новой террористической угрозе должна строиться на основе осмыслиения исследованного явления в патриотическом, информационном, культурном, психологическом, образовательном и политическом планах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карякина, К. А. Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента / К. А. Карякина. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. — 2010. — № 3. — С. 128—138.
2. Behr, I. Radicalisation in the digital era / I. Behr, A. Reding, Ch. Edwards, L. Gribbon. — 2013. — URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR453.html. — Text : electronic.
3. Bertram, L. Terrorism, the Internet and the Social Media Advantage: Exploring how terrorist organizations exploit aspects of the internet, social media and how these same platforms could be used to counter-violent extremism / L. Bertram. — 2016. — URL: https://doaj.org/article/660ec5b479604e_06a89a886e2cfa7a40. — Text : electronic.
4. Conway, M. Determining the Role of the Internet in Violent Extremism and Terrorism: Six Suggestions for Progressing Research / M. Conway. — 2016. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1057610X.2016.1157408>. — Text : electronic.
5. Conway, M. Terrorism & newmedia: the cyber-battlespace / M. Conway. — 2007. — URL: http://doras.dcu.ie/500/1/terrorism_new_media_2007.pdf. — Text : unmediated.
6. George, M. The New Media and the Rise of Exhortatory Terrorism / M. George. — Text : unmediated // Air University Press. — 2013. — Vol. 7, No. 1. — P. 40—68.
7. Idahoosa, S. International Terrorism: The Influence of Social Media in Perspective / S. Idahoosa. — 2017. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/320456917>. — Text : electronic.
8. Jacobson, M. Terrorist Drop-outs: One Way of Promoting a CounterNarrative / M. Jacobson. — Text : unmediated // Perspectives on terrorism. — 2009. — Vol. 3, No. 2. — P. 12—18.
9. Jerrold, M. From Car Bombs to Logic Bombs: The Growing Threat from Information Terrorism / M. Jerrold. — 2000. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09546550008427563>. — Text : electronic.
10. Mahmood, R. Communications Technology and Terrorism / R. Mahmood, M. Jetter. — Text : electronic // CESifo Working Paper Series No. 6995. Society for the Promotion of Economic Research CESifo GmbH. — 2018. — URL: https://www.ifo.de/DocDL/cesifo1_wp6995.pdf.

11. Md Sazzad Hossain. Social Media and Terrorism: Threats and Challenges to the Modern Era / Md Sazzad Hossain. — 2018. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0971523117753280>. — Text : electronic.
12. Schuurman, B. Research on Terrorism, 2007—2016: A Review of Data, Methods, and Authorship / B. Schuurman. — 2016. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09546553.2018.1439023>. — Text : electronic.
13. Seib, Ph. Global Terrorism and New Media The Post-Al Qaeda Generation / Ph. Seib, D. M. Janbek. — London ; New York : Routledge, 2010. — 156 p. — Text : unmediated.
14. Soriano, T. Terrorism and the Mass Media after Al Qaeda: A Change of Course? / T. Soriano. — Text : unmediated // Athena Intelligence Journal. — 2008. — Vol. 3. — No 1. — P. 1—20.
15. Weimann, G. New Terrorism and New Media / G. Weimann. — Washington, DC : Commons Lab of the Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2014. — URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/STIP_140501_new_terrorism_F.pdf. — Text : electronic.

Albo Tasleeh Mohammed Imad Kadim

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID ID: 

E-mail: Mhmdmad107@gmail.com.

Media Terrorism as a Radical Form of Political Extremism

ABSTRACT. *The article deals with the problems associated with the development of a new form of terrorism — media terrorism, which is a radical form of extremism and uses the possibilities of communication with a wide range of people participating in the activities of new mass media. Based on the analysis of scientific literature, the author has given a definition of this form of terrorism and identified its characteristic features. In particular, it is noted that the emergence of this form of terrorist threat was facilitated by the possibility of uncontrolled dissemination of information on the Internet; the increased activity of broad public opinion in information exchange; the presence of highly qualified specialists capable of creating high-quality and competitive information content. The author argues that at present terrorist acts are becoming only a concomitant method of political struggle; the information component of extremist and terrorist activity comes to the fore. Well-educated and highly professional specialists who are able to exert an active informational impact on the contact audience and can solve technical issues related to the creation and transmission of information are at the origin of this form of terrorism. At the same time, this form of terrorism is aimed at changing public consciousness, at creating an atmosphere of uncertainty, increased anxiety, and distrust in the current government in society. The article also notes that this form of information expansion is an instrument of modern “hybrid wars”, in connection with which the methods of extremist and terrorist organizations have been actively adopted by structures that, at first glance, are far from terrorist activities: law enforcement agencies, special services, public and political organizations, and various foundations and religious organizations. In this regard, the article substantiates the directions that should become the basis for countering media terrorism at the level of state information policy.*

KEYWORDS: journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; mass media language; media terrorism; forms of terrorism; terrorist activity; terrorist organizations; terrorist acts; extremism; political discourse; countering terrorism; communicative effect; manipulation of consciousness; manipulation; Internet; Internet discourse; Internet texts; Internet communication; social networking sites; Internet technologies.

AUTHOR'S INFORMATION: Albo Tasleeh Mohammed Imad Kadim, Post-Graduate Student of Department of New Media and Communication Theory, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Albo Tasleeh Mohammed Imad Kadim. Media Terrorism as a Radical Form of Political Extremism / Albo Tasleeh Mohammed Imad Kadim // Political Linguistics. — 2021. — No 4 (88). — P. 100-107. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_04_11.

REFERENCES

1. Karyakina, K. A. Actual forms and models of new media: from understanding the audience to creating content / K. A. Karyakina. — Text : unmediated // Moscow University Bulletin. Series 10, Journalism. — 2010. — No 3. — P. 128—138. [Aktual'nye formy i modeli novykh media: ot ponimaniya auditorii k sozdaniyu kontenta] / K. A. Karyakina. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10, Zhurnalistika. — 2010. — № 3. — S. 128—138]. — (In Rus.)
2. Behr, I. Radicalisation in the digital era / I. Behr, A. Reding, Ch. Edwards, L. Gibbon. — 2013. — URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR453.html. — Text : electronic.
3. Bertram, L. Terrorism, the Internet and the Social Media Advantage: Exploring how terrorist organizations exploit aspects of the internet, social media and how these same platforms could be used to counter-violent extremism / L. Bertram. — 2016. — URL: <https://doaj.org/article/660ec5b479604e06a89a88ge2cfa7a40>. — Text : electronic.
4. Conway, M. Determining the Role of the Internet in Violent Extremism and Terrorism: Six Suggestions for Progressing Research / M. Conway. — 2016. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1057610X.2016.1157408>. — Text : electronic.
5. Conway, M. Terrorism & newmedia: the cyber-battlespace / M. Conway. — 2007. — URL: http://doras.dcu.ie/500/1/terrorism_new_media_2007.pdf. — Text : unmediated.
6. George, M. The New Media and the Rise of Exhortatory Terrorism / M. George. — Text : unmediated // Air University Press. — 2013. — Vol. 7, No. 1. — P. 40—68.
7. Idahosa, S. International Terrorism: The Influence of Social Media in Perspective / S. Idahosa. — 2017. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/320456917>. — Text : electronic.
8. Jacobson, M. Terrorist Drop-outs: One Way of Promoting a CounterNarrative / M. Jacobson. — Text : unmediated // Perspectives on terrorism. — 2009. — Vol. 3, No. 2. — P. 12—18.
9. Jerrold, M. From Car Bombs to Logic Bombs: The Growing Threat from Information Terrorism / M. Jerrold. — 2000. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09546550008427563>. — Text : electronic.
10. Mahmood, R. Communications Technology and Terrorism / R. Mahmood, M. Jetter. — Text : electronic // CESifo Working Paper Series No. 6995. Society for the Promotion of Economic Research CESifo GmbH. — 2018. — URL: https://www.ifo.de/DocDL/cesifo1_wp6995.pdf.

11. Md Sazzad Hossain. Social Media and Terrorism: Threats and Challenges to the Modern Era / Md Sazzad Hossain. — 2018. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0971523117753280>. — Text : electronic.
12. Schurman, B. Research on Terrorism, 2007—2016: A Review of Data, Methods, and Authorship / B. Schurman. — 2016. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09546553.2018.1439023>. — Text : electronic.
13. Seib, Ph. Global Terrorism and New Media The Post-Al Qaeda Generation / Ph. Seib, D. M. Janbek. — London ; New York : Routledge, 2010. — 156 p. — Text : unmediated.
14. Soriano, T. Terrorism and the Mass Media after Al Qaeda: A Change of Course? / T. Soriano. — Text : unmediated // Athena Intelligence Journal. — 2008. — Vol. 3. — No 1. — P. 1—20.
15. Weimann, G. New Terrorism and New Media / G. Weimann. — Washington, DC : Commons Lab of the Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2014. — URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/STIP_140501_new_terrorism_F.pdf. — Text : electronic.